

Пальцы дрожали, ноги подкашивались. Бо Сюаньчжао сжал плечи Жу Ляньюя, губы его беззвучно двигались, и лишь спустя несколько мгновений он смог выдавить:

— Юйюй, ты только что сказал... что?

Быть может, в этом мире действительно есть боги, раз они лишили его одиночества в прошлой жизни и исполнили желания в этой. Бо Сюаньчжао не отрываясь смотрел на Жу Ляньюя; рука, лежащая на его плече, продолжала дрожать.

— Я сказал, — Жу Ляньюй снял руку Бо Сюаньчжао со своего плеча. — Все говорят, что я красив. Может, мне стоит на тебе жениться?

В глазах Жу Ляньюя плясала улыбка. Он взял дрожащую руку Бо Сюаньчжао и положил её себе на талию. Запрокинув голову, он разглядел, что у Бо Сюаньчжао дрожат даже губы.

— Юйюй! — Бо Сюаньчжао смотрел широко открытыми глазами, но ничего не видел. В его голове снова и снова прокручивалась одна картина.

В чистом, ослепительном свете луны перед воротами Дворца Цифэн лицо Жу Ляньюя не осталось ни одного живого места — сплошные раны и кровь. Голос его был хриплым, взгляд — пустым, и он повторял вновь и вновь:

— Желая тебе прожить долгую жизнь, желаю тебе не знать болезней и боли, желаю, чтобы твое великое дело свершилось.

Нет, он не хотел этого. Если не будет Жу Ляньюя, какая польза от долгой жизни и свершений?

— Желая, чтобы оставшаяся жизнь прошла за высокими стенами дворца, в полном одиночестве. Жить без спутника в кровати, умереть без общей могилы.

Этот хриплый, противный голос звучал вокруг Бо Сюаньчжао, лишая его воздуха.

Внезапно рука, которая ещё минуту назад дрожала на талии Жу Ляньюя, непроизвольно сомкнулась, притягивая его к себе. Обнял так крепко, что обоим стало трудно дышать.

— Нет! — Бо Сюаньчжао повторял это одно слово без конца.

Тело Жу Ляньюя окаменело, словно его перерезали пополам. Но причиной оцепенения были не руки, а это безумное повторение.

— Чжао? — Этот слог звучал в *repeats again and again*, в нём отчаяние, беспомощность и безнадежность усиливались до бесконечности. В груди Жу Ляньюя разливалась боль, а родимое пятно, оставшееся с прошлого раза, пекло огнем.

Ветер с гор пронесся рывками и стих.

— Я не хочу быть один, Юйюй, я не хочу быть один, — сила в руках Бо Сюаньчжао слабела, а лица обоих покраснели от напряжения.

Вот оно что. Жу Ляньюй слегка приподнялся и коснулся губами губ Бо Сюаньчжао. Слегка, без проникновения.

— Я с тобой. У тебя еще есть я.

Если всё это беспокойство из-за него, то он лично всё успокоит.

Цзун Юйтун снова переглянулась с Лю Суй. Когда они вернулись из молельни, Бо Сюаньчжао уже был во дворе. Жу Ляньюя не было, он был один...

Точнее, Бо Сюаньчжао сидел там... и глупо улыбался.

Лю Суй махнула рукой в сторону Цзун Юйтун, мол, я тут бессильна. Она видела, как рос Бо Сюаньчжао; с детства он улыбался редко, а уж такой дурацкой улыбкой она точно не видела.

— Чжаоэр, — Цзун Юйтун обдумывала слова, прежде чем сесть рядом с Бо Сюаньчжао. — А где господин Жу?

Стоило ей спросить, как улыбка Бо Сюаньчжао стала ещё более странной — смесью дурашливости и волчьей алчности в глазах. Рука Цзун Юйтун дрогнула: неужели одержимость бесами?

Она уже подумывала позвать Увана, чтобы тот провел обряд изгнания для Бо Сюаньчжао. Даже на территории Храма Линван можно подхватить нечисть, так что нужен сильный монах. Уван подходил идеально.

— В Горной усадьбе Чансянь случилось кое-что, Юйюй вернулся туда, — улыбка Бо Сюаньчжао стала чуть менее жуткой. При упоминании отъезда Жу Ляньюя его лицо помрачнело, но тут же снова просветлело. — Вернется вечером.

Цзун Юйтун задумалась, и её выражение стало более серьезным. Она хотела что-то сказать, но в итоге лишь вздохнула и встала.

— Лю Суй, пора на дневной отдых.

Когда Цзун Юйтун ушла, Бо Сюаньчжао посмотрел на закрытую дверь. Мать, должно быть, всё поняла, да? Как она могла не понять, если он так старательно это демонстрировал?

С момента пробуждения в этой жизни Бо Сюаньчжао решил для себя: он ни за что не откажется от Жу Ляньюя, а значит, матери придется его принять. Двоих дядей это не смутит, а остальные его не волнуют.

— Прости меня, матушка, — тихо произнес Бо Сюаньчжао в сторону двери. Затем он откинулся на спинку стула и устремил взгляд на густую крону деревьев над головой.

Ветер шумел, шелестя листвой.

В комнате Лю Суй закрыла окно, оставив щель, и подошла к Цзун Юйтун.

— Ваше Величество, всё произошло именно так, как вы и предполагали. Стоило нам уйти, как Его Высочество вернулся в нормальное состояние.

Цзун Юйтун сидела перед туалетным столиком, глядя на своё отражение в медном зеркале. На лице уже виднелись следы прожитых лет.

Она сняла с прически девятиглавую шпильку в форме феникса.

— Этот ребёнок просто хотел, чтобы я узнала о его отношениях с Жу Ляньюем.

— Ваше Величество, — Лю Сюй с беспокойством окликнула её и подошла, чтобы снять с Цзун Юйтун остальные шпильки.

Цзун Юйтун погладила фениксовую шпильку в руках, а затем посмотрела на Лю Сюй через зеркало.

— Ты в сердце своем считаешь меня человеком, который не заботится о счастье собственного ребенка?

— О чём вы, — Лю Сюй с умеренным усилием разминала плечи Цзун Юйтун. — Его Высочество не хочет огорчать Вас, а Вы, как всегда, его балуете.

Положив шпильку на стол, Цзун Юйтун подошла к кровати и легла.

— Только ты одна понимаешь меня. Но если уж говорить о том, кто балует Чжаоэра, то, боюсь, я смогу занять лишь второе место.

С Жу Ляньюем на стороне Бо Сюаньчжао победа над семьей Чжао станет неизбежной. Нельзя сказать, что она ставит власть и выгоду превыше всего, но на политическом поле — либо ты убиваешь, либо тебя убивают. Чжаоэр это понимает.

— С его статусом Государственного наставника и его способностями я спокойна, — Цзун Юйтун уже закрыла глаза, и её голос стал тихим, едва слышным.

Наступило время дневного сна.

Смеркалось. Бо Сюаньчжао стоял у ворот Храма Линван, вглядываясь в тропинку, ведущую в горы.

— Ваше Высочество, кого вы ожидаете? — Уван бесшумно подошел к Бо Сюаньчжао и тоже посмотрел на тропу, перебирая четки в руках.

Если во время встречи на мосту Бо Сюаньчжао еще испытывал к Увану враждебность, то теперь он чувствовал лишь благодарность и почтение.

— Благодарю вас, наставник, за наставления, — сказал Бо Сюаньчжао. Снаружи Зала Чаншэн он подслушивал, и Уван, несомненно, это заметил. Судя по тому, как бесшумно тот подошел к нему сейчас, он не мог не почувствовать присутствие Бо Сюаньчжао у стен зала.

Уван бросил взгляд на Бо Сюаньчжао и указал пальцем на его шею.

— Господин Жу — человек внимательный, иначе он не сделал бы эту вещь своими руками.

То, на что он указывал, было ожерельем, которое Жу Ляньюй сделал для Бо Сюаньчжао; край шнура слегка выглянул наружу. Бо Сюаньчжао вытащил подвеску хуайгу.

— Оно мне очень нравится.

— Лучше бы не показывать эту вещь посторонним, — Уван отвернулся от него и направился вглубь храма. — Такая возможность выпадает раз в жизни, цените её.

Бо Сюаньчжао сложил ладони вместе и поклонился в спину Увана.

— Благодарю вас, высокий монах, за наставления. — Слова, сказанные Жу Ляньюю в Зале

Чаншэн, и сказанные сейчас — всё это было для него словно путеводная звезда.

Но в этом поклоне было не только благодарность и почтение. Бо Сюаньчжао подумал, что после спуска с горы стоит навеститься к Жу Шэньлину.

Едва фигура Увана скрылась в храмовых постройках, как Бо Сюаньчжао услышал стук копыт. Обернувшись, он увидел повозку, которой управлял Иньцзы.

— Юйюй, — он быстро сделал несколько шагов к повозке.

Рука откинула занавеску, и Бо Сюаньчжао отступил на шаг, глядя на Ли Чаншэна, выходящего из кареты. На его лице застыло выражение полного безразличия.

Жу Ляньюй вышел из повозки и, увидев лицо Бо Сюаньчжао, сразу понял, что тот недоволен. Он сжал пальцы Бо Сюаньчжао.

— Тетушка попросила Чаншэна доставить меня, заодно мы должны набрать в Храме Линван несколько лекарственных трав.

— Ты ужинал? — мрачно спросил Бо Сюаньчжао, сжимая руку Жу Ляньюя.

— Ужинал, ужинал, — Ли Чаншэн перебил Жу Ляньюя, помахивая веером. — Повар в усадьбе приготовил огромный стол яств...

Жу Ляньюй и Бо Сюаньчжао направились к храму; Иньцзы передал лошадь вышедшему монаху и, взяв вещи, последовал за ними.

Ли Чаншэн остался стоять один; его веер теперь размахивался куда менее радостно.

За ужином во дворике, где жила Цзун Юйтун, Лю Сюй подала несколько постных блюд.

— Ляньюй, попробуй этот бамбук, — Цзун Юйтун положила Жу Ляньюю в миску немного жареных побегов бамбука.

— Спасибо... спасибо, Императрица, — Жу Ляньюй смущенно поднял голову и неловко улыбнулся Цзун Юйтун.

— Ляньюй, попробуй эту баклажановую икру, — Бо Сюаньчжао кашлянул, прочистил горло и, подражая Цзун Юйтун, повторил.

<http://bllate.org/book/16724/1537868>